

Выходитъ 1. и 15.
каждого мѣсяца.

Предплата:
на годъ 3 зр. 60 к.
на полъ г. 1 зр. 80 к.
на кварталъ 90 кр.

АРТУРЪ

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

НА - ПОТЕМКИ.

Очерки и образки изъ современной жизни.

(Продолж.) Купчикъ подошвъ до своего хозяина, властителя складу, г. Фрида, попросивъ ключика отъ выставы и побѣгъ скоро на дѣлъ. Теперь доперва нагадавъ себѣ хозяинъ, на что онъ и соперники въ запалѣ борьбы забули, что у него есть еще друга пара такихъ же самыхъ образовъ; именно тіи на выставцѣ. А хотячи погодити спорящихъ, выѣздить г. Фридъ съ своими золотыми бакенбардами и съ вельми геніальными помысломъ и каже:

— Вельможнѣ панове! будьте ласкавѣ не гнѣвайтесь. Я погоджу, тажъ у мене есть друга пара тыхъ образовъ на выставѣ, хотя безъ рамъ.

Слова тіі подѣйствовали.

— Но такъ, то что иного.

И оба противники успокоились. Лысина помалу зблѣдла и выпогодилась; все предвѣщало скору и мирну розвязку катастрофы. Навѣть рудѣ бакенбарды г. Фрида не выглядали такъ дуже червоними, якъ перше, коли стояли попри румянци черепа лысого пана. Зауважавъ то именно Владиславъ, который себѣ за той часъ сѣвъ подальше на карлѣ и значущо усмѣхався.

Г. Фридъ приступивъ теперь до головного, до торгу.

— Мои панове, мовивъ онъ, у мене цѣна стала. Впрочемъ обѣ картины пензля славного майстра. Каульбахъ стоятъ тыхъ пару гульденовъ. Прошу, то майстерскіи кавалки! Гарнѣ, чуднѣ! Що имъ закинете?

— Я знаю пензель Каульбаха, перебивъ Артуръ прихвалки купця, — и бачивъ много его творбъ въ оригиналѣ, но се либоинъ найновѣйше его дѣло.

— А такъ, такъ, тягнувъ свое г. Фридъ, — я що-ино позавчора получивъ. Цѣлкомъ невысока цѣна: за оба въ рамахъ 60 злр.

— За оригиналъ давъ бымъ и тысячу! То мусить бути зъ натуры зняте!

— Можетъ. Однакъ сомнѣваюся, чи такіи пышнѣ кусники давъ бы Каульбахъ и за тысячу таляровъ.

Редакція и администрація улицы
Краковская ч. 19.

Неопечатанные ре-
кламаціи принимают-
ся на почтѣ без-
платно, и увѣглѣдя-
ются лишь до 14 дней.

— Будь що будь, нехай маю хоть кошю, сказавъ Артуръ по хвили намыслу. — Сколько хотѣли бысьте за той одинъ безъ рамъ. Я звину его въ ролю и буду мѣгъ въ куфрѣ съ собою везити.

— За той одинъ безъ рамъ, за „Glückliche Gedanken“ — 20 злр. а. в.

— Згода! сказавъ графъ, заплативъ и звернувся до Владислава, который все еще не переставъ усмѣхатися.

— А якъ буде съ нами? обѣзвався тамтой лысый.

— Я вже сказавъ, стала цѣна: за оба 60 злр.

— Ей, то троха таки за дорого. Опустѣть що троха.

— Якъ пана шаную, що не могу.

Поступовѣ купцї шануютъ своихъ гостей надзвичайно (розумѣється, только у себе въ склепѣ): просять ихъ сѣдати, надекакують, титулуютъ, величають, радо все оказываютъ, свои товары розкидають, — своею дорогою, якъ гѣсть ничего не купитъ, то имъ опбеля до волї, сердечно, накленутъ и высмѣють, но по-за очи; въ очи же все дуже гречнѣ, такъ що хоть часть купуючої публики таки увѣритъ, що она справдѣ есть „шанованою“, що шанованье те стонть навѣть въ пропорціи до сталыхъ цѣнъ, и вслѣдъ тому — платить, платить „постоянную цѣну.“ Друга часть купуючої публики, которая вже стратила вѣру и въ людей и въ Бога а навѣть въ самыхъ себѣ, а которая прото просто не вѣритъ глубокобѣ шанобѣ купця, а однакъ при тѣмъ має якусь претенсію на хороше выхованье, та часть, не объявляє своеи невѣry, и не хотачи може вдаватися въ справы гонору, платить также постійну цѣну. Третя жъ часть — то публіка, т. е. та невѣрюча часть купуючої публики, которая або довго торгується и отходить ничего не купивши, або усильно домагається, щоби ей опустити хоть колька центовъ.

Лысий панъ съ звисаючими вусами, хотя очевидячки причисляясь до того послѣднѣго сорта, не хотѣвъ однакъ того передъ своимъ соперникомъ оказати, и муркотячи себѣ щось підъ носомъ, перейшовъ на сей разъ до невѣрюючихъ а платячихъ, давъ якійсь задатокъ на 60 злр. а. в. (звѣстно,

г. Фридъ и за раталью сплатою радо збувае свои „гарні и чудні“ товары) и въ знакъ успокоеня обтеръ свое потомъ облитое чоло та сапнувъ, Господи! алежъ сапнувъ, гдесь глубше якъ этъ грудей, вѣдавъ зъ своего величезного живота: якъ той мѣхъ ковальскій, мало... якъ преисподный вулканъ, бо если въ той хвили передъ нимъ стоявъ не г. Фридъ съ податливими бакенбардами, лишь вѣтракъ съ деревянными крылами, съ всею певностю, крыла вѣтрака не только булибъ двинулись, но отъ силы напора подуву розлетѣлись бы свѣтами; податливъ же бакенбарды, крѣпко корѣнемъ сидачи въ лицѣ г. Фрида, только быстро рейтеровали ажъ на карокъ, и любезно обѣймили, мовь милая ручками, шию своего властителя.

Артуръ а съ нимъ Владиславъ не могли вздержатись отъ смѣху, оба они разомѣялись майже въ голосъ.

— Про-прошу, па-панове, що що ту смѣшного? начавъ лысый Еоль, впадаючи на-ново въ пасію.

Однакъ Артуръ еще смѣялся.

— А то неслыхане, зъ мене старого смѣятись! Упрѣвъ чоловѣкъ, змучився, що що ту смѣятись!

Смѣхъ не устававъ.

— А...а, то мы нынѣ безъ поліціи не обѣдимся! Кого маю непріятнѣсть познати?

Послѣдніи слова звернувъ лысий панъ до Артура тономъ глубоко оскорблennого, а прежня бурачкова краска выступила на каркъ, на лысину.

Артуръ пѣдступивъ, не смѣялся болѣше, а съ погордою промовивъ:

— Прошу, Вы недавно-що откликовались на свое першенство, идѣть же першими во всѣмъ.

— Якъ то?

— Кто вы?

— А...а, я Янъ Камѣнецкій, властитель реальнostей во Львовѣ.

— А я гр. Артуръ Руцкій, — чи може чуєтесь ображенymъ, желаете satisfac-цію. Я готовъ, толькo мушу знати, чи Вы, г. Камѣнецкій, шляхецкoи крови. Инакше не бьюся.

— Я, я, нѣ... нѣ, я толькo такъ теды... якъ ся называє... менѣ дуже пріятно... я такъ... пріятно... и помалу, помалу при тихъ словахъ г. Камѣнецкій поступався вспіядь, поки собовь не зачѣпивъ о крѣсло и не осѣвъ на нему цѣлымъ тягаремъ тѣла ажъ ноги до горы задеръ.

— И менѣ дуже пріятно, съ новымъ смѣхомъ тягнувъ графъ, —proto и смѣюся.

Панъ Камѣнецкій и злый и добрый, и самъ не знає, якимъ має бути, и що має робити, змѣшивався и тольки чоло тре.

Выратовавъ го зъ того немилого положеня купецъ, звѣрнувши увагу на інний предметъ. Въ сей

хвили именно принѣсъ купчикъ, Владзѣмъ закупленый образъ брюнетки.

— Якій то гроши тутка? промовивъ г. Фридъ до своего помочника.

— А то сей панъ, (тутъ всказавъ на Владзя) заплативъ за „Glückliche Gedanken.“

— На маешь! вскрикнувъ г. Фридъ и сплеснувъ въ долонї, — а що теперъ буде?

Всѣ мовчатъ.

— Тамтой панъ, купивъ на самъ передъ, и заплативъ, панъ Камѣнецкій купивъ оба въ рамахъ, таکъ не остae ничего другого, якъ просити менѣ Вельможного пана графа, ласково заждати 14 день, поки не прїде зъ Гановера транспортъ, я сейчасъ —

— Га-га, 14 день, я й не знаю, куда буду обертатись за 14 день, перебивъ Артуръ г. Фрида.

— Ну, то може панъ добродзѣй будуть такъ добрї заждати тихъ пару день, промовивъ купецъ, кланяючись до п. Камѣнецкого, который за той часъ оправившися, пѣднявся на рѣвній ноги и зыскавъ свою давну отвагу.

— Якъ толькo прийде транспортъ, сейчасъ отбѣлю, тягнувъ г. Фридъ, — а для Яневельможного пана грабіюю кажу зъ рамъ виняти.

— Чомужъ я маю на тѣмъ терпѣти? промовивъ Камѣнецкій, — чи мой гроши гоші?

— А сохрани Господи! Толькo панъ графъ не остають во Львовѣ, и желалибъ собѣ заразъ взяти.

— Ну, якъ прийде транспортъ, отбѣлѣть пану графу до него на село, твердивъ Камѣнецкій.

— Колижъ бо я їду на выставу до Вѣдня, а потомъ на вояжи. И справдѣ не мoggъ бы мене той образъ нѣгде дѣгнати. Если толькo можете, пане Камѣнецкій, заждати тихъ колька день, то прошу Васъ о то дуже, зробилибысьте менѣ велику пріятнѣсть и доказалибысьте, що справдѣ Вамъ пріятно було съ мною познатися.

— Та оно, правда, пріятно але... але, чи мой гоші?

— Гоші не-гоші, толькo я Васъ прошу о гречнѣсть, которую менѣ можете зробити, то така багателя. А если конче не хочете менѣ уступити, то я звернуся до Владзя. Владзю, для нашої давнїї дружби, отстуши менѣ ту брюнетку.

— Брюнетку? образъ ще-ще може бути намыслився, но брюнетку саму, о, то не возможно! Якъ могу отстути те, чого самъ не маю.

— То и есть, намыслися и отстути образъ.

— Нѣ, я такъ на вояжахъ, якъ и Ты, такой проси п. Камѣнецкого.

— Га, бачите, п. Камѣнецкій єнъ такожъ упертый, алежъ зъ важної причини, то вже менѣ толькo тамто перше остae. Пане Камѣнецкій, прошу Васъ еще разъ, отстуਪѣть мнѣ сей образъ, а розбїдемося пріятелями.

При тóмъ подавъ Артуръ руку г. Камбнекому. Камбнекому то дуже схлебляло, что его графъ просить и ему руку подае. Зробивъ важну мйну и приставъ.

Артуръ подяковавъ Камбнекому за „гречибстъ“, поздоровивъ купця, а оставивши му адресу до себе до готеля George, куда мавъ прислати образъ, выйшовъ вразъ съ Влодзбмъ. Сейчась за дверми запитавъ бнъ его:

— Отки Ты знаешь панну Бауеръ?

— Бауеръ? яку Бауеръ?

— А ту, щось еи портретъ закупивъ менѣ зъ передъ носа такъ зруочно.

— Она Бауеръ? я не знаю ніякои Бауеръ. Знаю одну, якъ капля воды, подобну до того образа. Но то не Бауеръ, а княжна.

— Льонця!

— Такъ, Льонця Мирзелля.

— А гдесь ю бачивъ?

— Тамтого року коло Вѣдня на винограднай курації; була съ своею хорою матерью старушкою.

— Мала, сива, згорблена...

— То, то, то!

— Ха, ха, ха! то Ты Влодзю не знаешь, якъ виджу, кто она.

— Княжна Мирзелля. По крайней мѣрѣ она старушку называла матан и окружала ю съ всею печаливостью любячои доњки. А князь Мурзелля, чувъ я, бувъ одинъ изъ кавказкихъ плѣнниківъ, который перешовъ на сторону Россіянъ, — и за то навѣть дослужився генеральского чина. Шамиль черезъ него найбóльше потерпѣвъ.

— То ты мыслишь, что она грузинка, що въ ней кровь татарска?

— Або-жъ не грузинска краса?

— Правда Твоя! краса якои я въ моемъ житъю ніколи бóльше не видавъ. Той взростъ, та стать, тіи рухи, а личко, а очи! Ей Богу, я, щомъ не вѣривъ въ то, абымъ мѣгъ еще коли залюбитись, я самъ минувшого лѣта ходивъ якъ въ чаду, колимъ ю побачивъ и познавъ троха. Они неприступній, дуже не-приступній, я й не бувавъ у нихъ, а только що зъ далеку на нихъ, т. е. на ню поглядавъ и слѣдивъ крокъ въ крокъ зъ Флоренції, въ Римъ, въ Неаполь въ Таренто, на морскіи купелі.

— И щось розвѣдавъ?

— Що? погане! Она не княжна, а проста плебейка, ще й до того „Bauer“ прошу Тебе Bau-ег.

Артуръ съ притискомъ пересилябизовавъ на пальцахъ тыхъ пять буквъ.

— Bauer, тягнувъ графъ — по нашему хлопъ!

— Щожъ въ тóмъ такого злого? Она...

— Що она?

— Ничого бóльше не довѣдався ты за ню?

— Зъ ихъ прислуги приступити було можна только до лякса Ивана Васильича. Та бнъ на-побѣдіотъ, а по свому, по московски, якъ стане говорити, не разберешъ и съ десять головами. А знаешь Ты, Влодзю, я въ Римъ изъ-за Ивана Васильича взявся до русской граматики и навѣть найдовъ себѣ эмигранта, который основно начавъ мене учiti по русски. Та, где-тамъ, княгиня Мирзелля выѣхала вскорѣ, не було часу намышлятися, треба було ъехати въ Неаполь за нею, еслимъ не хотѣвъ зъ очей стратити панну Льонцу, — не було, кажу, часу студіовать языка того татарскаго. Справдѣ, що татарскаго, я азбуки не мѣгъ вывчитись! Но, але все бымъ вже зробивъ для неи. Впрочемъ ихъ добра всѣ на Потдолю, коло Бессарабії; може придатись, добре знати хотябы и татарскаго языка, — та щожъ хотя она плебейка! Хотя, кажутъ, годъ мбй старый рбдъ шляхецкій...

— Тебе певно змѣстифіковано! я бачивъ еи визитову картину. Тамъ стояло „княжна Мирзелля.“

— А... а, бо она воспріемна дочка княгинї, алежъ зъ роду она Bauer.

— Тымъ лучше... мимо волї вырвалось Владиславу.

— Лучше? длячого?

— Бо... бо не будешь за нею ъздити...

— Я? на конецъ свѣта!

— А плебейка?

— Га, щожъ робити, я собѣ вже вытолковавъ то мнѣ не мѣшає; хочу побороти пересудъ касто-вый, хочу для неи бути лїбераломъ. Тажъ мы живемъ въ XIX. столѣтю. Кобъ но ю где сего року зглянути. Але що якъ що, одно мене тѣшитъ: мы освободили ю! Она була немилосердно засуждена смотрѣти въ тамтї Rompticae paludes.

При тóмъ всказавъ Артуръ на противоположну сторону улицї, на котру власнє зйшли зъ поверхахъ середъ повышошои горячои розмовы.

* * *

Сего разу вже таки и я не могу выдержати. Мушу вразъ съ свѣтл. Совѣтомъ заложити протестъ противъ шляхоцкимъ словамъ гр. Артура. Що правда, то правда, але таки на таку назву не заслужила себѣ втора городска обѣтования. Правда, кажутъ, въ очи коле; то мѣгъ бы кто сказалъ, що протестъ отъ свѣтл. Совѣта есть сторонничай. Но я въ тóмъ не интересований такъ дуже, а прецѣнь мушу сильно за-протестовати и то за щирою правдою, за истинною.

Вы, пане графе, говорѣть себѣ здоровї, що Вамъ прїде на языкъ, але не мѣшайте двохъ понятій Rompticae paludes и второи обѣтованои, (хібань що Вы берете аналогію на Римъ, коло которого лежали колись тіи paludes, але то вже за далеко!) А если Вы пане Артуръ такій любитель эстетики и образਬвъ и всего хорошого, то лучше поступитъ эсте-

тично и хорошо, та дайте на икону до обѣтованои хоть 20 зр. а. в., якъ далисьте за Glückliche Gedanken.

Але. але.. Кто зъ роду, зъ малку, ажъ до грбовои дошки бѣльше любить все хороше, та бѣльше эстетично думае и поступае, якъ не красавицѣ? Скажу смѣло, що красавицѣ, то жива, одушевлена эстетика! Чомже нашї русскіи красавицї, которымъ прецѣнь никто не отмовитъ эстетичнога смаку и любви до хорошого, чомъ они не мають также причинитися до эстетичнога украшенья второи городской русской обѣтованои? Чи они може прогнѣвалися за то, що якось забули люди на Бучацкѣ дѣвоче воспиталище? Алежъ такій гнѣвъ не бувъ бы на мѣстѣ! Тажъ, м旤 Боже, такимъ чиномъ та обѣтвана николи не станулабы въ своей лѣпотѣ! Каждый бы домагався передъ будованьемъ церкви еще чогось инного и ничего бы не дававъ. Одинъ бы кричавъ за народомъ и домагався чогось такого, що принеслыи наглядну „реальну пользу“ для народа, (такихъ бы може на нещастье найшлося бѣльше), другому н. пр. захотѣлобыся читати зъ русской ббліотеки, третьому захотѣлобыся мати сто бурсаковъ съ хорошимъ харчомъ и хорошимъ надзоромъ и хорошимъ „обиталищемъ“, а четвертому забаглосьбы еще того, а пятому еще ового и такъ въ безконечное, — а все то довело бы до анархіи!

А такъ знаемъ, що Церковь — ну то Церковь, тай баста!

Свѣтлый Совѣтъ „Народ. Дома“ взыдавъ народъ и всечестный клиръ до складки, а „Ластівка“ завзывала дѣтей, додаючи зъ достовѣрного жерела, що церковь вже будуетса, — позвольже, честна Редакція „Друга“, именемъ твоимъ завѣзвати всѣхъ русскихъ красавиць и всю русску молодежь до складки на туую вторую городскую церковь. Я увѣренъ, що зазывъ той мѣй не пройде такъ безскуточно, якъ зазывъ, недавно чест. Редакцію зверненій до красавиць въ цѣли збиранья ними народныхъ пѣсень. О! нѣ, я увѣренъ, що тыхъ кѣлькохъ слобъ выстане, що Вы почтенніи красавицї, присылаючи н. пр. предплату на „Друга“ дадасяте по 10 кр. на втору городску церковь, и тымъ окажете, що Вы и ходяча эстетика и ширій русскіи душі. Dixi.

(Прод. слѣд.)

Д Е Н И С Ъ.

ПОВѢСТЬ.

Написалъ Михаилъ Вагилевичъ.

(Продолж.) Другого дня вечеромъ спровадился я до бурсы и помѣстили мене въ одной комнатѣ съ трема еще бурсаками.

Первый зъ моихъ товарищѣй — хлопъ подъ вусомъ вытягнулся свободно на постели и курилъ

папіроса роздумуючи вѣдай, що все на свѣтѣ суєта, якъ той дымъ, который уносился клубами по надъ его головою; другій, о много молодшій отъ тамтого kleиль пашерянаго орла, а третій, малый хлопчина, сидѣлъ при столѣ и знать учился нѣмецкои граматики, бо въ протягу десяти минутъ повторилъ найменше пятьдесятъ разъ: der, die, das.

Еще я не розгосподаровался въ своемъ новомъ обиталищи и еще не познакомился съ моими товарищами, коли роздался голосъ звонка. Хлопчина схопился зъ стольца и глядѣлъ за шапкою, а той, що доси уживалъ dolce far'niente, откинуль папіросъ, звінуль на цѣлу губу и протягнувшись еще разъ піднясся лѣниво и усѣлъ на постели.

— Ану на вечерню! отозвался стенторовыи голосомъ, а звертаючися до мене прибавилъ сердито:

— А ты паничу що, — ты лѣпший отъ насъ? Махай такожъ!

Я не отвѣтилъ ничего — бо и збоялся его.

Може то, гадаю собѣ, якій осьмакъ, а навѣть академикъ, коли такъ старшуе?

— Сойка! чого крутишися по хатѣ? вопросилъ нашъ менторъ сердито мальчика.

— Не могу найти шапки.

— То тебѣ шапки ктось має пильнувати! Пожди, я тебѣ заразъ поможу найти.

— Ходи сюда!

Сойка — бо такъ назывался хлопчина — приближился.

Менторъ взялъ его обѣручъ за голову и потеръ долонями по ухахъ, що стали червоній якъ бураки. Мальчикъ сплакаль тихо, ажъ менѣ жалко зробилося...

Пішли мы на вечерню.

Въ церкви побачиль я межи бурсаками мого давнійшаго колегу, который такъ застрагъ въ граматицѣ, що еще до теперъ не мѣгъ зъ неї выдубутися. Я приближился къ нему.

— То ты такожъ въ бурсѣ? Вопросилъ онъ мене.

— А такъ.

— А где тя помѣстили?

— Съ тымъ ось, отвѣтилъ я, всказуючи на нашего ментора, — якъ би называється?

— Григорій Дикунъ.

— Зъ котрои класы?

— М旤 колега.

— Такъ! То ты такій братку, думаю собѣ, а пожди — недамъ я ти такъ верховодити!

— А той другій, що съ нами мешкае, якъ называється?

— Иоаннъ Павлишинъ. Ходить до инфѣмы.

— Ага..

Я больше не выпытувался, бо въ дому Божомъ не годится розмавляти.

Скѣачилася вечерня и мы собралися всѣ въ однѣй комнатѣ, где намъ подали вечеряти. — Цѣлкомъ природно: по пищи духовной подобаете накормити тѣло, вправдѣ только кашою гречаною, но я доси еще не читалъ нигде розправу, въ которойбы який ученый физіологъ доводилъ, что гречана каша не есть поживною стравою.

По вечери розѣйшлися мы по своимъ комнатахъ.

Малый Сойка засѣль заразъ писати якусь задачу.

Павлишинъ kleилъ дальше своего орла, а я зразу снарядилъ себѣ постель, а потомъ учился на французкой грамерѣ.

Дикуна не было.

Менѣ наука якось не шла до головы. — И не диво. Первый день пѣдь незнакомымъ дахомъ, отданый пѣдь надзбрѣ и опѣку чужихъ людей, что не пригорнутъ сироты до сердца, не потѣшать въ смутку, не захотять теплымъ словомъ до працї — бо то чужіи люде. А ще до того свѣжіи страты тяжили ми еще за глубоко на сердци, чтобы бодай на хвильку увѣльнили память мою отъ сумныхъ образовъ.

Я задумался. Лѣта мои дитиннї прїшли менѣ на гадку; отець, мати, мой опѣкунъ — всѣ дорогіи сердцю мому, припомнулися мнѣ и кто знае, якъ долго бы я роздумуваль, еслибы звучнымъ голосомъ выголосене: der, die, das не было перенесло мя зѣ краины задумы на той падблѣ плачу.

То Сойка отложилъ задачу и зачалъ отъ нова бубнити склоненіе нѣмецкого родственника.

Бѣдный хлочина, такій мізерный, блѣдый на лицѣ; може би сирота якъ я, а такій еще малый. Тоже то я добрый быль на того Дикуна, который еще надѣ нимъ збыткуется. Виджу, радь бы научитися, а не знае, якъ? его бы треба еще обучити якъ братися до науки, а тутъ никто чи не умѣе, чи не хоче! Я рѣшился где що ему показовати бо ктожъ кому допоможе, якъ не бѣдный бѣдному?

— Що ты писаль? вопросилъ я его.

— Задачу, отвѣтиль би несмѣло.

— Ану покажи!

Онъ отягался.

— Не бойся, може тамъ суть ошибки, исправлю.

Хлопчина показалъ мнѣ свой вырѣбъ. Виджу, що голова. Суть ошибки, но больше зѣ незнанья,

нѣжъ зѣ неуваги и непорадности. Я исправилъ, объяснилъ, задля чого такъ а не иначе має быти. Потомъ выложилъ ему склоненіе нѣмецкого родственника, а мальчикъ, чуючи живе слово, поняль далеко скорше нѣжъ зѣ книжки и небавомъ уложился спати. За его примѣромъ пойшолъ вскорѣ Павлишинъ и я осталъ самъ съ французкою грамерою и сумными гадками.

Гдѣсь коло одинадцатои години приспѣвъ Дикунъ до дому и не заглядаючи навѣть до книжки сей часъ забирался спати.

— Ану гасити свѣтло, крикнулъ вытягаючись на постели.

Въ менѣ закипѣла кровь, но я узналъ лучше, замолчати нѣжъ отвѣчати дуракови, що себѣ такъ розбирає.

— Чуешь, прибавилъ би на той самъ камертонъ, если хочешь сидѣти, то сиди себѣ на потемки. Я хочу спати.

— А то спи себѣ и отчепися отъ мене.

— Ова а ты що за одень? Заразъ я тебе научу...

И схватился зѣ постели, мабуть щобы мене научити, якъ я долженъ ему повиноватися.

Я сидѣль нѣбы супокойно, хоть въ менѣ кипѣло, и читаль дальше. Онъ схватилъ мене за барки.

— Ты затеко, крикнулъ, — гаси свѣтло або тя розѣдру.

Тое вже и учтивого розгнѣвалобы. Я схопился на ровнї ноги и оттрутіль его отъ себе.

— Чуешь, если мя не оставилъ въ супокою, то, ей Богу...

Такого отпору знать не надѣялся панъ менторъ, бо змякъ отъ разу и залишиль зачепную ролю. Задоволился только погрозою.

— Стревай, сказалъ, — завтра розкажу господину завѣдателю, що ты тутъ бійку розпочинаешь.

Потомъ повернуль спокойно на ложко и накривши съ головою захрапалъ по хвилі, що ажъ хата ходила.

Такій быль первый мой вечеръ въ бурсѣ.

VI. Дивный сонъ.

Небавомъ и я положился спати, но долго еще долго не могъ я заснути. Дивнї образы снулися передъ очима моей души, а оденъ быль сумнѣшій отъ другого. Чомужъ то, коли чоловѣкъ въ щастю то такъ легко забуває о всѣхъ терпніяхъ, якій дѣзнаєть коли небудь, но най прииде на него година смутку, то они сами выплынутъ зѣ его памяти такъ якъ выплыває оліва на верхъ воды.

Опять пригадались мнъ лѣта мои дитинній. Дни мои плыли тогдь такъ тихо и спокойно якъ воды моего родинного Буга. Бугови природа не скупить цвѣтобъ и красамъ вѣнцемъ его береги уквѣтчае. И менъ судьба не скупила щастья...

Ахъ, чомужъ взялъ я разбрать съ тихимъ щастствемъ?

Но годъ, не моя въ тѣмъ вина. Я не выбиралъ, — пошолъ только шляхомъ, якій судьба мнъ назначила. Менъ за тѣсно было въ тѣмъ свѣтѣ, на якой призначило мя урожденье. Мене кортъло же межи люде; менъ забажалося науки: Сталоси по моей воли и не часъ уже вертатися. Треба ити дальше, хотя дорога моя не веде по цвѣтахъ... Такіи гадки снулися менъ по головѣ, поки сонъ не преодолѣлъ мя и склеилъ моихъ повѣкъ.

Якіи дивніи сны снилися менъ тои ночи!

Кто ми скаже, зъ отки бере ся сонне видѣніе? Психолога не буду пытатися. — Ученій его гипотезы може переконаютъ розумъ, но не моло-дянну имагинацію; я звертаюся до поэта, бо онъ найкомпетентнѣйшии рѣшати въ тѣмъ предметъ.

„Двоистое житѣе наше,“ писаъ Байронъ „сонъ мае отдельный свой свѣтъ.“

Тутъ не можу не закинуты гдеющо поэтъ Альбіону а именно, где безмежныи приදлы фантазій, чиже тое не входить въ рахунокъ?!

Байронъ ошибся.

„Троистое житѣе наше“ повиненъ быль сказать. Такъ — въ трехъ отдельныхъ свѣтахъ жie человѣкъ.

Не буду однакъ слово по слову интерпретувати Байрона; поднесу тутъ только одну его мысль:

„Якъ сиблілъ будучности, часомъ будучностъ отгадають.“

Тое досвѣдчиль я на собѣ онои памятнои, першои ночи въ бурсѣ.

Снилося менъ тогдь, щомъ видѣлъ рѣднаго батька, якъ лежалъ гдеющь на смертной постели. Братья и сестры окружали его и плакали, а я стоялъ конецъ ногъ и цѣлу душу соединилъ въ оку, щобы еще разъ придивитися тымъ чертамъ, на которыхъ смерть выпечатала уже свое знамя. Они глядѣли на мене — но якимъ взоромъ? Столько любви, столько лагодности, столько якогось святого огня и неочертанной силы мѣстилося въ ихъ очехъ! Часомъ, въ хвили задуманья засъяе мнъ той взоръ передъ очима моей души. Боже! якъ могуча якъ безконечно велика мусить быти душа человѣка, коли такіи образы творити умъ! Ніякій пензель не годенъ отдати выразу, якій мѣстился въ очехъ моего родителя, мусълъ онъ быти

такъ величественный, якъ величественна есть любовь родичей до дѣтей...

Но по хвили отмѣнилася сцена моего сновидѣнія.

Наразъ знайшолся я въ якіися прекраснѣйшомъ огородѣ. Полно рожь и цвѣтобъ всякаго рода было докола. Дивная вонь наполняла цѣлый воздухъ, гармонійній тоны мовь райская музыка долѣтали гдѣсь зъ далека до моихъ ушей. Я долго блудилъ по тѣмъ зачарованѣмъ мѣстци... О каприсна сонна мара якъ она грала собѣ съ мною! Наразъ представилося очемъ моимъ дивное явленіе. Быль то ангель чи дѣвица. Легко якъ вѣтрецъ ступала она по нѣжнѣй муравѣ, а рожи и гіяцінты нахиляли передъ нею свои келіхи, знать отдавали поклонъ еи красотѣ. Передъ всемъ плѣняли у ней очи... такъ великий и блакитныи якъ небо надъ нами. Якаясь дивная незнаная любость наполнила мой груди, коли я поглядалъ на тое ангельское явленіе. Она вабила окомъ и рухомъ а я не быль въ состоянью опертися ей... Зближился къ неи и здавалося мнъ, що чую битье еи сердца, якъ отповѣдало моему, чувствуя горячій еи отдыхъ... но колимъ вытягнулъ рамена, щобы ю обняти, она вывинулася мнъ, засмѣялася и — сchezла.

Изчезли райскіи вони, замолкла райская музыка. Пôтъма розляглася докола: Сцена моего сновидѣнія знова отмѣнилася.

Быль я на якіися пустыни. Глухо и темно было до кола. Я ишолъ, куда и по що? — Не знаю. Стежка вела мене помежи скалы и провалы... За каждымъ крокомъ становило мнъ щось въ дорозъ, но я преодолѣвалъ перепоны, бо малъ сильную волю ити въ перель, хотя кровью значиль слѣды за собою. Наконецъ прийшолъ на мѣстце, где скала стромо спадала и стежка счезала въ провалахъ. Тутъ опустили мя силы и ноги отмовили службы. Чи прийдеся мя загибати въ пустыни? Нѣть — Богу самому мусълъся жалко зробити и послалъ мнъ на ратунокъ ангела въ видѣ дѣвицї. О, красна она была якъ зоря, но якъ неподобна до таитои. Въ руцѣ держала цвѣть бѣлои ліліи и цвѣтомъ муснула легко по моему чолю. Съ прикосновеніемъ тои чародѣйнои вѣтки прибули мнъ силы. Она взяла мя за руку и лагоднымъ голосомъ промовила.

„Ходи за мною. Тая стежка не такъ строма; перейдемъ ю у двое...“

Я пошолъ за нею.

Въ тѣмъ щось встрясло мною — я пробудился.

То быль Дикунь.

— Вставай, крикнулъ мнъ надъ ухомъ, — свѣти и замети хату, нѣмъ подемъ до церкви.

А то негодный человѣкъ той Дикунь, онъ мнъ перервалъ такъ чудесный сонъ. О, сонъ мой

золотый! Много, много лѣтъ ушло, нѣмъ би...
но потомъ о тѣмъ. Теперь былъ я въ бурсѣ и
Дикунъ стоялъ надомно.

— Чоловѣче, отчепися ты отъ мене, сказалъ
я до него.

— Ага, то ты гадаешь, шо ту будешъ дармо
хлѣбъ єсти. Го го небоже...

Тымчасомъ пробудилъ Павлишинъ. Сойка еще
спалъ. Нашъ строгій менторъ звернулся къ нему.

— Ану, вставай ты...

Мальчикъ прокинулъся и сонный еще заговорилъ
колька незрозумѣлыхъ слобъ.

— Я тебе заразъ роздрухаю.

И щось ему тамъ зробилъ, мабуть потисъ его
за нѣсъ, бо мальчикъ скрикнулъ носовымъ тономъ.

А той чоловѣкъ справдѣ настъ тиранизуе, по-
думаѣтъ я себѣ.

Тымчасомъ Павлишинъ засвѣтилъ и я погля-
дѣль на мою кляпсандру, корота мнѣ осталася по
Коцубалинскому — Точно трета година. На кож-
дый случай то трохи за рано.

О котрой годинѣ вы тутъ встаете? вопросилъ
я Павлишина.

— О пѣвъ до шестон.

— А теперь третья. Шо той ночвидъ хоче
отъ настъ?

— А ты кого прозываешь?

Видячи, шо тутъ заносится на вчорайше, на-
мѣриль я съ тымъ неотесанымъ чоловѣкомъ погово-
рити на розумъ...

— Дуже васъ прошу, господине Дикунъ, чи
Дикарь чи якъ вы тамъ пишется, не втручайтесь
до мене. Я говорилъ о васъ, но не до васъ.

— О, о, дивѣтъся, якій ми ту панич.

— Паничъ не паничъ а такій бурсакъ, якъ
вы а може и лѣпшій, бо не приходитъ тогды до
дому, коли на уличниковъ дзвонятъ.

— А тебѣ шо до того? сказалъ би... но уже
не такъ певнымъ себе голосомъ. Видно, щомъ уда-
рилъ въ слабу струну.

— Правда, правда. Но я мушу запытатися го-
сподина завѣдателя, чи то вѣльно...

— Лазити по подъ браму, прибавилъ смью-
чись Павлишинъ.

— Такъ? — продолжалъ я — То госп. завѣ-
датель розвяжутъ завтра вопросъ, чи бурсаки ма-
ютъ яке дѣло въ ночи по за бурсою...

— То тебе тутъ на фагаса приняли.

— Якъ тебе на ментора.

— Мене поставили госп. завѣдатель, уважати
щобы порядокъ былъ въ комнатѣ...

— И збытоватися надъ Сойкою, который ти
ничого невиненъ.

— Тобѣ нічо до того, мрукнуль Дикунъ и
забирался назадъ до спанья.

— Дуже прошу. Я Сойку отъ нынѣ беру
подъ свою опѣку...

— А най васъ обоихъ чортъ побере...

— Лишѣть уже настъ чортови, только дайте
намъ спокой.

Онъ воркотѣль собѣ щось подъ носомъ, но
не отзывался. Павлишинъ тымчасомъ загасилъ свѣтло
и положился континувати дальше перерваний сонъ.

— Такъ, такъ, господине Дикунъ, прибавилъ
я, — если хотите съ нами и госп. завѣдателемъ
жити въ пріязни, то лишѣть настъ своего менторства.
А въ прочемъ до чого тое вамъ здалося, коли я
увѣряю, шо тутъ васъ кромъ Сойки никто не бо-
ится а надъ Сойкою не дамся збыткувати.

— Ну ну, добре уже добре. Завтра передъ
госп. завѣдателемъ поговоримъ мы съ собою.

— Охотно — охотно.

На тѣмъ скончилася моя баталя съ Дикуномъ.
Всъ заснули только я одинъ не спалъ уже до раня.

Вправдѣ сцена съ Дикуномъ зволновала менъ
трохи кровь, но не то было, шо сонъ менъ зъ по-
вѣкъ зганаля. Сонное видѣніе запрятало менъ го-
лову. Диво! зъ отки у мене такіи сны взялись?
Доси былъ я сердцемъ дитина; дни плыли мнѣ безъ
туги, ночи безъ видѣній а тая дивна неочертана а
однакъ такъ любая жажда, яка оволодѣла мною въ
снѣ была мнѣ до теперь на явѣ незнана. О сонна
маро, пошо открыла ты мнѣ тое, о чомъ я еще не
зналь?... Моя горячая юная имагинація почала дѣ-
ствовати въ ту сторону. Тогда научился роити
безъ цѣли.

(Прод. слѣд.)

ПЕТРЪИ и ДОБОЩУКИ.

Повѣсть Джеджалика въ трехъ частяхъ.

(Часть втора).

(Продолж.) Не станемъ мы описовати трудностей
и небезпеченьствъ, съ якими боролся смѣлый опры-
шокъ, — скажемъ только, шо таки наконецъ удалось
ему достатися на послѣднюю кѣнчину скального гре-
беня. Лице его розъяснилося. Скала зъ сеи стороны
була правда стрѣмка, але и сильно попукана и не
ровна и би... рѣшился при помочи своеи сокиры зла-
зити на долину. Сокирою би... высѣкалъ где мoggъ
бѣльшій щербы въ скалѣ, щобы за нихъ мoggъ дер-
жатися, — и такъ повѣльно вправдѣ, но досыть без-
печно, би... поступалъ въ долину.

Наразъ здалося ему, шо камѣнь, о котрый би...
гримнувъ обухомъ рушилъ и глухо задуднѣлъ. Тоє
розвудило его цѣкавость. Онъ еще разъ, сильнѣйше
ударилъ сокирою о камень, — але ударъ сей о мало

не переплатилъ житъемъ. Камень, который слабо держался на своемъ мѣстци, уступилъ сильному ударови и съ громовымъ ломотомъ грохнулъ собою въ долину розбиваючися о скалу. Падучи захопилъ одну ногу Невеличкого, и хочь не скалѣчиль го значительно, все таки омало совсѣмъ не збилъ го зъ рѣноваги и попхнулъ на передъ себе стрѣмголовъ въ долину. То булобы цевно сталося, слибы Невеличкій въ той же секундѣ зруочно не отхилился на бѣкъ и не притисся до стрѣмкого розпуклого утесу.

Коли минула хвиля небеспеченѣства, нашъ авантурникъ зновъ пѣднялся и поглянуль на мѣсце, бдки скотился камень, и якѣжъ было его зачудованье, коли тамъ побачилъ темный до сонца выхленый отвѣрь глубокой и, якъ выдавалось, обширной печеры.

— Отъ где м旤 талантъ,—отъ где такъ довго шуканѣ скарбы! ажъ скрикнуль зъ радости Невеличкій и задрожалъ цѣломъ тѣломъ, бнъ который не такъ дрожалъ на видъ страшного небеспеченѣства, что му грозило передъ хвилею!

Лучи сонца поволи, немовь боязливо продирали густу темноту, царствуючу отъ давныхъ временъ въ той печерѣ. Ажъ по доброй хвилѣ мѣгъ Невеличкій розличити гдѣякій предметы, — именно гдѣякій бѣльшій щербы скаль вънутри печеры, — но кромѣ того годѣ было що инного добачити.

Поволи однакожъ розяснилося въ серединѣ и Невеличкій ледво-ледво втиенулъ тѣснѣмъ отворомъ до печеры. Но кто опише его розчарованье и перелѣкъ, коли замѣсто купы золота побачилъ середъ печеры два шкелеты людескіи, покрытѣ передрухнѣлыми шматами? Весь составъ его здрогнулъ мимоѣльно, мовьбы голою рукою доткнулся холодной гадюки, а по за плечи зашемрало му щось, мовьбы тамтуда шопорталася цѣла купина червоныхъ муравлѣвъ. Ноги его дилькотали и не могли рушитися зъ мѣсця, а лице, мовь окаменѣле при поглядѣ на лице Медузы, нѣмо смотрѣло на отражающую картину. Бѣльшій костякъ була то женщина, якъ можь було познati по шматахъ одежи и довѣрѣ волосю, котре, хочь продрухнѣле, все еще держалося купы, но за доткненiemъ розпадалось. Жовтыи кости лица страшно выглядали и Невеличкому здалось, що по тѣмъ костяниномъ лици перебѣгае отъ часу до часу демоничный усмѣхъ наруги и погорды.

— Гу, — що за страшный образъ! прогомонило въ его души. Втѣкай!

Але ноги его не рушались зъ мѣсця и выпоѣли послухъ волѣ.

Однакожъ звычайна то рѣчъ, що найбѣльшій перестрахъ, найбѣльше обриджене поволи минае, коли призвычайся наше око до предмета, который тоежъ въ насъ выкликавъ. Такъ сталося и ту. Невеличкій привыкъ поволи до страшныхъ костякѣвъ и боязнь

его зачала поволи уступати, коли переконался, що се не усмѣхъ перебѣгає по тихъ жовтыхъ костяхъ, но яркій блескъ сонца. Онъ почаль теперь дальше разглядати по пещерѣ, — а невидячи въ ней ніякого слѣду, который бы казалъ догадувати, що ту скованый скарбъ, хотѣль уже отдалити, коли наразъ якійсь незнаний, внутренній голосъ велѣль му и труповъ обсмотрѣти. Онъ, не безъ дрожи и бѣразы, приступилъ близше до костяка женщины и торкнулъ его злѣка ногою. Кости захрустѣли, костякъ ворохнулся, мовь живый, — и зновъ здалось Невеличкому, що по лици его перебѣгла усмѣшка наруги и презрѣнія. Ale тое лишь секунду заняло увагу Невеличкого, — інный предметъ въ той же хвилї звернуль на себе его увагу. Одежа, покрывавша трупа розпалася и открыла голыи, бѣлыи ребра а межи ними на груднѣй кости лежала стара книга, котра, якъ здавалось, не підлягла еще збреютю. Еи старинна, деревянна, скѣркою обтягнута оправа блестѣла еще гдекуда позолотою, а желѣзца клямра, котра ю замыкала, проржавѣла совсѣмъ.

— Ого, — а се зновъ що? прошепталъ Невеличкій. Чи не трафится припадкомъ що доброго? Ану, — кто знає, — може въ сей книжцѣ есть яка вѣсть про скарбы, або про що таке, щоби принесло гдешо доходу?

Добре то кажутъ, — голодному все хлѣбъ на умѣ: Невеличкому все лишь скарбы та гроши бренькали въ головѣ, — въ кождѣй рѣчи бнъ шукаль корысти, хотѣбы она на позбрѣ якъ найменше еи обѣцювала.

Помимо отразы и страху, зъ котрого и самъ собѣ не умѣль здати справы, бнъ сягнуль рукою по книжку, лежачу на груди костяка. Берѣжно браль ю боячись щобъ не розсыпалася за доткненiemъ, — ale такъ не сталося, — книжка була совсѣмъ цѣла, — деревяна оправа охоронила ю отъ гнилизны. Коли пѣднялъ ю, — ворохнулася незначно грудь костяка, — Невеличкому здавалось, що зъ підъ тои кости добулся тяжкій отдыхъ, — и зновъ найшла го тревога, — бнъ дрожачи вылѣзъ сквапно изъ печери, мовь злодїй північною порою изъ церкви, въ которую залѣзъ для крадежи. Дрожачи бнъ ледви-ледви злѣзъ на долину, хотѣ то не представляло такихъ трудностей, якъ зъ горы доси.

И наконецъ сталъ бнъ на земли, — и тяжко одотхнуль пѣсля такъ многихъ и такъ сильныхъ впечатлѣній, котрѣ еще, мовь взбурене море, волновали его душою. Отямившия и успокоившия троха, бнъ зачалъ переглядати знайдену книжку. Була то псалтыра, котра належала колись до пасѣчника Семіона. На еи концѣ була цѣла картка записана, — и съ трудностю только мѣгъ Невеличкій перечитати не выразне, отъ старости поблѣдле письмо.

Дивна игра чувствъ отражалася на лицѣ его подчасъ читанья. А коли наконецъ скончилъ, осѣла задума на его чолѣ.

— Бляйбергъ, Бляйбергъ, — зажди но, гдесть я щось чулъ про якогось Бляйберга, та... Ага, — се той угорскій жидъ, что теперь такъ часто до Петра учаща! О, давно я уже маю на него око! Але что має тая картка значити?...

— Гм, — а не знати, якъбы я селянъ гдесто зъ боку поспыталъ? Кто знае?... Может менѣ тая картка въ доброй пригодѣ стане?...

Такъ мѣркующи Невеличкій зновъ збрался, взялъ сокирку и зникъ въ гущавинѣ.

IV.

У Петра.

Молода и незбопута душа Андрѣя отверта була, правда, на все добре и хороше и радо его въ себе пріимала. Але заразомъ не потрафила опертись злому, особливо, если оно звѣльна, незначно, въ ню всякало. Неможлива була рѣчъ, щобы такіи страшнѣ потрясенья, якихъ дѣзнало цѣле его естество, минули мимо его душѣ безъ слѣдовъ. Болѣ и терпѣнья скоро усталы, — за ними слѣдоваль жаль, — жаль за Олесею, за своею першою чистою любовью. Довго тревалъ той щирый жаль, — однакожъ въ души молодца громадился уже матеріяль инного рода, который ослаблялъ поволи тое чудне, благодатне чувство.

Андрѣй уважалъ на теперь борьбу за укѣчену, позаякъ Добощуки пойшли пôдъ судъ и до вязницъ. Но борьба була только на позбрь укѣчена, — въ первой еи части, правда, побѣдивъ Андрѣй — твердостью и постоянностью въ мукахъ. Но онъ забуль пôслia своей побѣды, що власне теперь зачинается друга борьба, — борьба съ самымъ собою, — найважнѣйша для того, который посвящае за якусь высоку идею. О тѣмъ забулъ Андрѣй, — и лежачи на лаврахъ пôслia первої побѣды онъ поволи, поволи зачалъ улягати въ другбѣ борьбѣ, зачалъ врагу сильнѣйшому, якъ Добощуки, — власнѣмъ похотямъ и гордости! Время, коли онъ страшно терпѣлъ въ пустыни, було его моральнѣ зенитомъ, — зъ котрого онъ теперь зачалъ хилитися въ долину.

До розбудженья гордости въ его души причинилося богато малыхъ и на позбрь невинныхъ обстоятельствъ. Взгляды и припаданье матери, поважанье бтця, котре той бттеперь ему оказувалъ, а наконецъ голосъ похвалы, гомонячій всегда въ его души: Ты мученикъ за святу справу, — ты умѣль посвятитися, — ты высшій отъ всѣхъ тыхъ людей, который не толькo не здужаютъ вступити въ твой слѣдъ, але навѣть поняти не здужаютъ твоен застуги! И тое переконанье о своей высшости поволи велѣло Андрѣю и обходится съ другими якъ съ низшими. Отца своего одного онъ ще почиталь за рѣвного, хочь тое чувство, такъ противне гордости, поволи зачало слабнути.

Матерь свою онъ уважалъ за щиру, добродушну, но звычайну женщину, котра не понимала его заслугъ ласкала и пестила его якъ сына. И пôдъ вліяніемъ тои звѣльна ростучои гордости выробился у Андрѣя певный родъ зниходительности, котру онъ оказувалъ говорячи съ другимъ, певный аристократическій усмѣхъ, который дуже прикро отдавалъ на тыхъ, котрій съ нимъ говорили. Легкія замѣтки селянъ въ тѣмъ взглядѣ пріималъ за образу и гнѣвался, если они за надто къ нему зближалися. Онъ сталъ убратися якъ на сель выражались по пански и вымѣгъ на отцю, що той дозволилъ му ъздити въ отвидѣны зъ початку до сусѣдныхъ священникѣвъ а потомъ до шляхты, до дѣничбѣ и инои аристокраціи, где его всюда, хоть не широ, то все таки радо пріимали. Особливо убѣгалися о его взгляды матери, маючіи донъки на выданю, — позаякъ Андрѣй самъ немало легкими намеками причинилъ до того, що слухъ о огромныхъ скарбахъ, котрій мали ему дѣстатись по бтци, набралъ новой силы и цѣхнѣ вѣрно правдивости.

Правда, що его гордость дѣзнала зъ початку неразъ великого упокореня, але, якъ звѣстно, она, чимъ въ тѣнѣйши стиснена границы, тымъ сильнѣйше росте сама въ собѣ. Такъ сталося и съ Андрѣемъ. А особливо затріумфуваль онъ въ души, коли поволи онъ узыкалъ собѣ бѣльше узнанья въ тѣмъ крузѣ, до котрого онъ пхался, — коли высокіи паны и аристократы, коли выстроеній дамы и панянки зачали витати го съ усмѣхомъ, зачали подавати ему руку, — хочь ту они оказували ему таку зниходительность, яку онъ селянамъ въ Перегинску.

Такъ лѣта минали а обстоятельства еще бѣльше змѣнилися на корысть Андрѣя. Гдекотрій матери зачали до него бѣльше приближатися, зачали пôдеовувати ему пôдъ очи свои донъки. Андрѣю ставало що разъ теплѣйше въ тѣмъ крузѣ, — котрій однакожъ цѣлый по тое только вертѣлся коло него, щобы обскубати его зъ золотого пѣра. Особливо одна, знатна на позбрь панѣ, графиня Кралинска, вдова по послѣднѣмъ зъ славнаго рода Кралинскихъ, дуже надѣаковала коло Андрѣя. И не безъ причины!

У Кралинской була дочка Евдокія, панна около 28 лѣтъ, высока, якъ тополя, сильна, якъ гузарь и ославлена злѣстниця и гриласница. Въ панскихъ кружкахъ знали ю добре всѣ молодѣ и дуже боялись збллизитися до неи, — тоже панна Дозя помимо своей красы продѣвовала найкрасшу весну своей жизни, проплыла бурне и шумне Саббать-море и видѣлася уже близкою берега, близкою пристани, въ котрой многонадѣйно мелькали и яснѣли передъ нею кляшторныи муры. Не лишь самъ характеръ панны Дозѣ былъ такъ отстрашаючій для молодыхъ и немолодыхъ женихбѣ, але такожъ еи финансы. Мати еи, вдова по зруйнованѣмъ графѣ, своимъ неэкономическимъ провадженемъ госпо-

дарства еще дуже тоежь зруйновала и задовжила. Она зъ початку числила, якъ на готовый капиталъ, на уроду и молодость Дозѣ — але небавомъ показалося, що сей капиталъ хоть красный, не несе и найменьшихъ отсотквъ, — а скудное майно панѣ графинї съ взрастяюю скоростю хилилося до упадку. Хвиля була дуже критична, — на кождомъ бали, на кождомъ вечерку, при кождой оказіи слѣдила графиня Кралинска быстрымъ окомъ за якимъ золотымъ пташкомъ, который бы и ю въ кѣнці освободилъ отъ злѣстної и громасної Дозѣ и направилъ своею кешенёю єй попсований финансъ. Довго ей нещастилося. Нужда и ганьба скорымъ, чутнимъ крокомъ спѣшили завити въ пороги панѣ графинї, — надѣя утѣкала съ кождымъ днемъ, а съ нею утѣкала и краса — молодость Дозѣ, слабнѣли єи повабы...

Въ томъ небезпеченствѣ попался тымъ обомъ чеснѣмъ дамамъ подъ руки нашъ Андрѣй, непереджений славою миліонера іn spe. Дозя и мати єи единодушно поклялися, будь що будь приманити до себе тую птичку и заразъ отъ самого початку розпочали операцію. Планъ свой такъ по майстерски уложили, що можь було напередъ сподѣватися ихъ побѣды надъ простодушнымъ, недосвѣдченнымъ, а разумѣлымъ противникомъ.

Въ крузѣ дамъ, котрѣ, мовь пестрї мотыльки окружали Андрѣя, неразъ впала тому послѣдному въ очи Дозя. Она держалася всегда троха оподаль отъ інныхъ, здавалася задумана и занята поважными рѣчами. Лице єи яснѣло все еще блескомъ не послѣднеї красы, хоть може по-где-куда той блескъ былъ и штучный. До него рѣдко она зближалася, — але неразъ бачиль би, якъ Дозя украдкомъ, зъ боку подносила свои близкучай очи и остановляла ихъ на его молодецкому, уродливому лаці. Если трафилося Андрѣеви заговорити коли що до неї, то голось єи бывъ такій тихенкій, такій мягкій, — мова єи була такъ розсудна, понятія такъ выробленіи и погляди такъ быстрї, що Андрѣя всегда тое застановляло. Но черезъ досить довге время не було совсѣмъ ніякого бѣльшого зближення межи ними, — толькъ Доза ставалася що разъ тихѣйша и задумчивѣйша. Еї молодшій товаришки, счастливѣй отъ неї, добре бачили маску и смѣялися изъ тої уданої чесноты и невинности, а декотрѣ піодозрѣвали въ томъ навѣть єсть на Андрѣя, — но стереглися запізнати его близше съ преимуществами панни Кралинскої, желаючи му въ души того щастя, яко хлопескому сынови, который безъ права втиснулся въ ихъ благородный кружокъ, котрого протое ненавидѣли, и котрому не разъ досить явно давали почувствовати свою погорду.

(Прод. слѣд.)

ОТРАВЛЕННЫЙ ДЬЯКОНЪ.

„Ізъ памятной книжки,“ Г. Иванова.

III.

Не помогаетъ.

(Продолж.) Два или три днія, слѣдовавшихъ за разговоромъ подъ окномъ, я почти не видаль дьякона. Онъ сидѣть въ своїй банѣ, должно быть, прилежно занимаясь чтеніемъ сочиненія „до человѣкѣ,“ сидя до поздней ночи, и только разъ или два во всѣ эти дні, и то на минутку, подбѣгалъ къ окну спальнї моего пріятеля, чтобы задать вопросъ и уйти...

— Хеласты, Иванъ Иванычъ, что такое? спрашивалъ онъ.

— Хеласты?

— Вотъ тутъ сказано „такъ же, какъ тысяче-челѣтнє царство для хеластовъ“...

— То-есть, какъ же это „такъ же“? Надо прочесть всю фразу...

Дьяконъ прочель кацой-то очень сложный періоль, спотыкаясь на каждомъ шагу, — точно плелся онъ безъ дороги по какому-то изрытому полю, не зная, что сзади, что впереди...

По прочтеніи этой фразы, докторъ принялъ соображеніе, а дьяконъ стоялъ и ждалъ молча...

— Чортъ ее знаетъ, наконецъ, произнесъ мой пріятель: — да вы этакую чертовщину просто пропускайте...

— Ну, ужъ чѣ-жъ это — пропускъ!..

— Ну, я не знаю..., Читайте дальше, тамъ будетъ видно...

— Гм! сдѣкалъ дьяконъ, помолчалъ и пошелъ.

Въ другой разъ онъ поймалъ Ивана Иваныча въ ту самуу минуту, когда тутъ совсѣмъ было ушелъ на практику.

— Вотъ, прямо начаъ онъ, входя и держа раскрытую книгу: — „или, почему взрослое животное лучше новорожденаго?“ Почему, Иванъ Иванычъ?

— Что такое? Какое животное?

— Вообще, тутъ сказано, напримѣръ, такъ, что яйцо, напримѣръ... да вотъ: „или, что лучшаго въ новорожденномъ животномъ?“...

— Дайте сюда книгу! Гдѣ это?

Дьяконъ подалъ книгу, указаль и ждалъ.

Минутъ пять читаль Иванъ Иванычъ указанное място, перевертывая страницы и впередъ, и назадъ, и, наконецъ, сказалъ:

— Вѣдь я такъ не могу, — выхватить прямо изъ середки и объяснить. Чортъ его знаетъ, что это такое? Такъ нельзѧ!

— Гм! опять съѣзжалъ дьяконъ.

— Я долженъ прочесть, по крайней мѣрѣ, нѣсколько страницъ, чтобы знать... Яйцо какое-то!.. Вы придите завтра, послѣ обѣда. Мы прочтемъ.

Дьяконъ помолчалъ, перелистовалъ нѣсколько страницъ и задалъ было еще вопросъ:

— А что вотъ еще означаетъ „комбинаціи формъ“.

— Не теперь, перебилъ докторъ. — Я сейчасъ ухожу. Приходите завтра на цѣлый вечеръ, мы все это разберемъ.

— Ну, ладно... Ужъ и трудно же написано!..

— Ничего, послѣ!.. торопясь уходить, говорилъ Иванъ Иванычъ. — Приходите!

Дьяконъ помолчалъ, повертѣль страницы и пошелъ, сказавъ, впрочемъ, что придетъ, „непремѣнно придетъ“.

Въ назначенный для ученаго разговора, вечеръ, произошло, однако, совсѣмъ не то, что должно было произойти. Отправившись, по обыкновенію, за городъ, мы совершенно забыли, что „сегодня вечеромъ“ долженъ прийти дьяконъ, и спохватились только тогда, когда на дворѣ была почти ночь.

Спохватившись, мы торопливо пошли домой.

Въ комнатахъ нашей квартиры было темно, окна отворены и со двора доносился какой-то шумъ.

Оказалось, что „ругаются!“

Въ будничной жизни глухого русскаго уголка, нѣть, какъ мнѣ кажется, другихъ болѣе тягостныхъ минутъ въ теченіи цѣлаго дня, какъ тѣ, которыя опредѣляются словами „посидѣть вечеркомъ на крылечкѣ“, „отдохнуть вечеркомъ“, словомъ — побыть такъ, ничего не дѣлая нѣсколько вечернихъ часовъ. Вездѣ, гдѣ есть настоящая жизнь, хоть и трудная и неприглядная, въ самыхъ глухихъ уголкахъ европейскихъ большихъ городовъ, на каторжныхъ фабрикахъ, вечеръ — дѣйствительное время отдыха, потому что день, дѣйствительно — время тяжелаго труда, время устали, и, какъ ни труденъ этотъ рабочій день, но вечеръ весель или, по крайней мѣрѣ, тихъ... Совсѣмъ не то въ глухомъ русскомъ уголкѣ. Притворяясь, по приказанію чьему-то, городомъ, уголокъ заставляетъ невольно притворяться все, что ни живеть въ немъ. Притворяется — начальствомъ — исправникъ, и все чиновное, все распоряжающееся, притворяется потому, что не надѣть чѣмъ, въ сущности, начальствовать и нечѣмъ распоряжаться. Притворяется учитель, знающій очень хорошо, что наука его плоха и проку отъ нея мало, притворяется купецъ, у котораго только берутъ чиновники въ долгъ, а не отдаютъ, и т. д. И вотъ все это, не могущее по совѣсти не сознать, что прожитый день былъ — „одна канитель“, „промаявшись“ этотъ день кое-какъ, чувствуетъ

вечеркомъ, когда прекращается эта „тягота маяты“, потребность облегчить душу отъ ига призрачной дѣятельности, призрачной жизни... Повсюду — тихо, вездѣ заперты вороты и ставни, нигдѣ не видно огня, и кажется, что глухой уголокъ спить мертвымъ сномъ. Ничуть не бывало — напротивъ: вездѣ въ темныхъ спальняхъ, на „крылечкахъ“, куда обыватель выползъ „посидѣть“ послѣ ужина, идетъ шопотомъ, во имя потребности облегчить душу, сваливаніе душевной драны другъ на друга... „Завезъ въ какую гибель! шепчетъ молодая жена.— Да что это? Да лучше я въ монастырь уйду. Али у меня жевиховъ не было?...“ „А изъ-за кого бьюсь? Изъ-за васъ чертей все-жь и бьюсь-то!... Былъ бы я одинъ, сердито шепчетъ отецъ семейства: — такъ сталъ бы я тутъ торчать, въ этакой пропасти.“ Тамъ, въ темнотѣ, кто нибудь пьетъ и проклинаетъ свою участъ, въ другомъ темномъ, какъ смоль, углу, кто нибудь пьетъ и молчитъ... И вездѣ за этими запертыми ставнями, въ темныхъ душныхъ спальняхъ, подъ темнымъ душнымъ небомъ, на крылечкахъ уѣздный людъ пилить другъ друга, пилить тихо, чуть слышно, какъ чуть слышно зудить пила, которой перепиливаютъ человѣческія кости.

Вотъ именно такого рода „отдохновеніе“ происходило и на нашемъ дворѣ, гдѣ на крылечкѣ отдыхала послѣ ужина вся подсудимая семья госпожи Антоновой... И увы! въ общемъ шипѣнья этихъ звѣрей другъ на друга громче всѣхъ раздавался голосъ дьякона, голосъ, въ которомъ не было ни тѣни недавняго подобострастія и робости. Напротивъ, нагло, грубо и до послѣдней степени пьяно звучалъ онъ теперь, ругательствами обрушившися на всѣхъ и вся...

— Что это? заслышиавъ знакомый голосъ, произнесъ Иванъ Иванычъ, появляясь въ моей комнатѣ. — Пьянъ?

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, онъ сталъ прислушиваться. Дьяконъ ругалъ госпожу Антонову и зятьевъ, благочинаго, свою жену, книги, журналы, словомъ, — все въ ужаснѣйшемъ, невообразимомъ безпорядкѣ осаждавшее его пьяную голову...

— Акушерство! кричалъ онъ... Акушерство! Нѣть, взять бы хорошую дубину... Как-кака силоамская купель, скаж-жите, пожалуйста... Эхъ, вы-ы... акушерки...

— Отецъ дьяконъ! перебилъ его рѣчь Иванъ Иванычъ. — Вы что-жъ это? Опять?

— Да! твердо и вызывающе отвѣчалъ дьяконъ,

— Отлично!

— Превосходно! А вы полагали, что дурака нашли? Передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ по порошку?.. Нако — вотъ, сѣешь!...

Скоибузило это Ивана Иваныча. Онъ такъ и не отвѣтилъ ему ни слова, а стоялъ и молчалъ!

— Эхъ вы-ы, продолжалъ, между тѣмъ, дьяконъ: — ученые — вертихвостки!.. Чѣо ни спрошишь — ничего не знаетъ!.. Какого вы чорта смыслите!.. Порошки!.. Дубье вы со всеми вашими книгами... У человѣка душа болитъ, а вы, прохв...»

— Затворимте окно! сказалъ Иванъ Иванычъ, очевидно, совершенно разгнѣванный. — Пусть его! Это постоянно... А завтра опять приплетется...

Долго за запертымъ окномъ слышался голосъ ругавшагося дьякона. „Эхъ вы, акушерки-молодки...“ „Порошковъ бы вамъ, ворамъ принять желѣзныхъ, авось, вы перестанете красть...“ „Хеласты поганые!“ Почтай-ко, что у Португалова сказано — свиня!“ Охъ, еслибъ Бисмаркъ васъ распалилъ!“

— Только ужъ больше я съ нимъ разговаривать не буду! Нѣтъ! говорилъ Иванъ Иванычъ. Нѣтъ, это мнѣ надоѣло...

Но на слѣдующій день, какъ того ожидалъ Иванъ Иванычъ, приготовляясь отѣвать дьякона за вчерашнее, послѣдній не показывалъ глазъ. Не было видно его и вечеромъ, причемъ семейство Антоновой ругалось одно, собственными средствами. И только черезъ два дня, вечеромъ — я снова увидѣлъ его.

Онъ былъ худъ, еле живъ, грустенъ, боленъ. Долго сидѣлъ онъ молча, на приступкѣ дверей своей бани, не отвѣчая ни единаго слова на остроты, направленныя изъ полчища отдыхавшихъ на крылечкѣ подсудимыхъ, хотя послѣдніе, видя, что онъ совершенно безсиленъ сегодня, направили на него весь запасъ ненависти, которую должны бы были сегодня испрасходовать другъ на друга. Всѣдѣствіе этого обстоятельства, они были очень веселы.

— Принять бы и мнѣ порошокъ! говорилъ кто-то на крыльцѣ: — авось меня изъ-подъ суда освободятъ...

— Что-жъ, попробуй. Вонъ отецъ дьяконъ принимаетъ... говорить — совсѣмъ, говорить, поправлюсь...

— Да, ловко онъ третьяго дня поправился.

— Не ту положилъ препорцію... Очень много водки долилъ... Надо полштофъ — и порошокъ, полштофъ — и порошокъ. А онъ полштофовъ-то выпилъ штуку шесть, а порошокъ-то одинъ... Вонъ оно и...

— Да-да-да! А то бы и ничего!

— Чего-жъ лучше! Вполнѣ облегчаетъ... Даже такъ, что и жена опять возвращается къ мужу...

— О-о-о! Какое чудесное лекарство...

— Не вѣришь! Ей Богу!.. Отецъ дьяконъ! Сдѣлайте милость, скажите... Что ежели, напримѣръ, заняться чтеніемъ и, напримѣръ, штофа четыре...

Смѣхъ не даетъ говорить. Долго хохочутъ. Дьяконъ молчитъ и третъ лобъ.

— А что супруга опять же къ вамъ возвратится?

— Чего-съ? сиплымъ голосомъ спросилъ дьяконъ.

— Супруга, говорю, возвратится къ вамъ?

— А зачѣмъ ей въ этомъ хлѣву быть, позвольте узнать?

— Вы, значитъ, это ее колотили, чтобы она въ хлѣву не была?

— Значитъ, изъ хлѣву гнали по шеѣ-то ее?

— Да замолчите ли вы, мерзавцы, наконецъ? виѣ себѧ, вдругъ больнымъ, надорваннымъ голосомъ заговорилъ дьяконъ, вскачивая. — Что это такое? Когда меня Господь вынесетъ отсюда!.. Господи! Биль, биль я! Мерзавцы этакі! Отъ этого я и боле-енъ! О-о Господи! Да это — омутъ!

Хохотъ не прекращался. Омутъ чувствовалъ что онъ — дѣйствительно омутъ, и, сознавая въ себѣ это качествѣ, былъ безжалостенъ.

— Колотить жену по шеѣ, а самъ боленъ! Какая удивительная болѣзнь!

— О Господи! Изверги!..

— Ха-ха-ха...

— Отецъ дьяконъ! не вытерпѣлъ я. — Пойдите сюда, пожалуйста.

Участіе посторонняго человѣка сразу прекратило сцену. Омутъ ужасно пугливъ: заслышивъ чей-то чужой голосъ, увидавъ чье-то постороннее вмѣшательство, сразу струсилъ, притихъ и помаленьку-помаленьку сталъ расползаться.

— Это вы, животныя, кричали дьяконъ, направляясь ко мнѣ: — не понимаете, что вы — свини, я то знаю!.. Вотъ ужъ именно животныя... Да помилуйте, торопливо вѣѣгая ко мнѣ въ комнату, весь блѣдный и дрожавшій продолжалъ онъ: — помилуйте! Я и болеють отъ свинства; отчего-жъ это я лечусь-то, какъ не отъ свинова элементу? Господи помилуй! Да не только биль, не вѣсть что творилъ! Вспомню только — и моря водки мало, чтобы залить это... А они, негодные, еще разжигаютъ...

— Отдохните, отецъ дьяконъ! Сядьте!.. сказалъ я.

— О, Господи... Я и не поздоровался!.. Да что! Совсѣмъ пропадаю... Ей Богу... Ничего не подѣлаешь!

Онъ сѣлъ къ столу, устало наклонивъ голову и тяжело дыша.

— Чего-жъ такое?

— Да совѣсти ужастъ сколько надо... а душа-то у нашего брата свиня, вотъ и разрываетъ

на части!.. Это зачъмъ я порошки требую? все для этого!.. И книжки тоже, все для того же...

— Для чего?

— Да душу-то хочу свою изъ свиной въ чловѣчью обратить... вотъ для чего!.. Ну, и начнешь... Индія, обезьяны какія-то... Горшки подземные, нѣтъ! не убавляетъ свинова элементу!.. Примешься лечиться, пьешь-пьешь, и передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, и вдругъ пожелаешь сдѣлать гадость — ну, конечно, все бросишь и... вонъ какъ третьяго дня — напьешься и проклянешь всѣхъ... О-охъ! Странное дѣло — совѣсть!.. И сколько она теперешнее время народу ъесть!.. Страсть.

— Какъ теперешнее время, а прежде?

— Прежде этого не было. Это только теперь стало.

— Будто?

— Вѣрно вамъ говорю. Чѣто такое новое время, позвольте узнать, какъ по вашему?

— Говорите — вы!

— По моему такъ — правда, во всемъ, чтобы по чистой совѣсти, вотъ!.. а прежнее — кривда, кривая струя... вотъ какъ... Ну, и помираешь!..

— Почему же?

— Да не прямъ, а кривъ; и душа крива, и совѣсть — туда-сюда, и къ свинству любовь!

— Будто любовь?

— А то что же! Посмотрите-ко какая, напримѣръ, у меня хоть любовь къ грязи, — любовь!.. И я это все вижу, и ничего сдѣлать не могу... А отчего? Отъ совѣсти! Совѣсть проснулась въ душѣ и, какъ ключъ подъ навозной кучей, развезла эту кучу по всему двору, стало все разползаться — вонъ, грязь! Умирай! И мрутъ, страсть какъ мрутъ...

— Отецъ дьяконъ! перебилъ я его. — Не можете ли вы разсказать мнѣ, какъ все это случилось съ вами?

— Какъ случилось? переспросилъ онъ и задумался. — То есть, какъ совѣсть-то проснулась и какъ куча-то расположилась!

— Да! все, что было съ вами?

— То есть, вообще про болѣзнь?

— Ну, да!

— Извольте! Видите, какъ я заболѣль-то...

(Прод. слѣд.)

Листы зъ Ісландії.

Новеля Г. Чокого.

(Продолж.) *) — Добре, отъѣду, коли вамъ тое есть приятнымъ. Ахъ, Фридолино ничо болѣше не отяжаетъ моего отъѣзду, якъ тое, щомъ Васъ позналъ.

*) См. Ч. 8 „Друга.“

Я нещастливый... не знаете моего положенія... я дуже, дуже нещастливый.... менѣ лишилися только кольцѣ. Однакъ мушу отъѣхати. Самъ себе обманюю; дивна якась, нещастна судьба губитъ мене. Только о одно Васъ прошу, Фридолино, не судѣть зле о мнѣ! Въ моемъ отсутствію згадуйте о менѣ, якъ о широмъ друзѣ.

Неотповѣдала нѣчого.

— Глянте на мене! — мовилъ дальше пресачимъ голосомъ: — Вы на мене не гнѣваетесь?

Фридолина отлонила тваръ.

Въ той хвили выхилилъ ся повный мѣсяцъ зъ поза густыхъ хмаръ и озорилъ дерева, корчи и цвѣты, и чудну стать Фридолины блѣдавымъ своимъ свѣтломъ. Икъ ангель стояла передъ нимъ, съ взоромъ, повнимъ любви и тоски.

„Вѣдьте,“ сказала по хвили, „будьте щастливѣ!“
— Ахъ! не есъмъ нимъ.

„А я....“, хотѣла еще щось болѣше сказать.

— Остаю! Не поѣду! — сказалъ Людвикъ съ слезою въ очѣ, обнявши Фридолину.

Дивилася ему въ лице, видѣла его слезы.

„Милый Гогенгаймъ, вы должній, вы муситеѣхати! Прошу Васъ о тое. Або якъ не можете, якъ не хотите: то....“

— То ...? прошу, — скончѣтъ.

„То я отъѣду.“

— Чи не хотите мого товариства? Чи не хотите мене видѣти? Чи може я Васъ образиль?

„Нѣ! Але еще одно: останьте до недѣлї вѣчеръ. Еще только три дни. Потому и я отъѣду. Для чого? не пытайте. Не говорѣть о тѣмъ ничего передъ товариствомъ. Обѣцаете менѣ тое?“

— Обѣцяю.

„И останете до недѣлї вѣчеръ?“

— Охотно.

Подала му руку, котру би притисъ до своихъ грудей. Пристали до товариства.

XIV.

„И ты не шутишь?“ пытала другого дня панѣ Сааръ Фридолину.

— Совсемъ нѣ. Я дуже поважаю того чоловѣка. Правда, би дуже приятный въ товариствѣ, живый, дотепный, всѣ, що хочешь: а однакъ не могла бымъ го нѣколя полюбити.

„Чайже говоришъ о Людвикови Гогенгаймѣ?“
— О нѣкимъ иннѣмъ.

„Не понимаю тебе, Фридолино. Знаешь, еслибымъ була дѣвчиною, а Гогенгаймъ просилъ бы мене о мою руку, то...“

— Добре! тажъ то можешь и яко двадцять пять лѣтна вдова зробити. Онъ заледво тридцять лѣтъ буде числити.

„Алехъ прецѣнь понимаешь, что бнъ мене не любить, что ты владаешь его сердцемъ“

— Ошибаешь ся! а хотябы и такъ было, что прішло бы му до головы, мене любити: то мусишь признати, что тое еще не выстарчае, щобымъ мала уже за него выйти? Досыть, что господинъ Гогенгаймъ въ роли моего любовника былъ бы менѣ совсѣмъ незносымъ.

„Ты мечтаешь, моя мила. Щожь за рѣжница межи любовникомъ а милымъ другомъ? Чайже не очѣкуешь отъ мужчинъ, чтобы были такъ милыми, приятными, и, Богъ тамъ знае якими еще, якъ то ихъ въ романахъ звычайно представляютъ? Читала ты коли романъ, котрого героемъ быльбы мужчина жонатый? Менѣ тое еще не получилося! Мусишь съ того вносити, что мужчины, яко мужи, суть существа безъ значенья. Той, который былъ тебѣ милымъ другомъ и приятнымъ, товаришомъ передъ весѣльемъ, остане для тебе и по весѣлю такимъ самymъ. Противно любовнику! Ещесь не встыгла здѣйти зъ головы вѣнца плюбного, а бнъ уже скинуль зъ себѣ маску романтизму, и часто, Богъ съ нами, представить ся тебѣ незносымъ, пустымъ, пуднимъ...“

— Чи говоришь може зъ досвѣду?

„Такой такъ, на мое нещастье! Мой старый, най му буде земля легка, быль, мимо своихъ девятьдесяти лѣтъ и неустанного кашлю, такимъ справедливымъ Адонисомъ, якобы якій молодикъ. Мои родичи вѣчно съ похвалами о немъ говорили,—золоты горы менѣ обѣцювали. Мой Боже! я все була доброю дитиною, тай и теперь послухаламъ ихъ. Алехъ ахъ, мой Адонисъ, най му буде земля легка, цѣлкомъ инакше выглядалъ по весѣлю! Кашель можебымъ еще ему и простила, але...“

— Нехай вже буде твоя правда, только не вымагай отъ мене того, чого не могу! А я не могу и не хочу любити Гогенгайма! Що бѣльше, только не кажи того ему, признаюся тебѣ, что не могу его стерпѣти, не могу го знести и прикро менѣ есть сообщатися съ нимъ. Отъ, вчера вечеръ на примѣръ, всѣма силами мусѣламъ старатися, щобы бути для него: обоятною.

„Жартуешь!“

— Я нѣколи больше серіозно не говорила, якъ теперъ. Заразомъ заявляю тебѣ, что на нынѣшній вечерокъ не пойду: моглабымъ ся тамъ съ нимъ здыбати. Запросинъ совѣтниковои Кульмъ на вечерокъ въ Недѣлю не могламъ якось отмовити, для того тамъ то уже мушу пойти. Богу дякую, що я.... кобы уже только тая Недѣля мипула!

„Тожь малабымъ ошибатися?“

— Не знаю въ чѣмъ? Сказали бы тебѣ, яко моей подрузѣ, чисту правду. О одно тя только прошу: не говори менѣ бѣльше о Гогенгаймѣ. Охотно тебѣ его отступаю.

„То твое сердце, мила Фридолино, уже до иннога належить?“

— Такъ! видиши, отверто съ тобою говорю. А теперь анѣ слова о тѣмъ всѣмъ! Я люблю, але нещастливо!

„Еще одно! А еслибысъ не любила иннога, чи тогды Гогенгаймъ былбы тебѣ...?“

— Нѣ!!

XV.

Фридolina, пріишовши въ свою комнату — мешкала въ дому панѣ Сааръ — застала на столику фотографію Людвика и — звялу рожу, ту саму котру вчера отъ него получила.

Своевольный жартъ еи приятельки, цѣлкомъ минулъ ся съ цѣлью.

Фридolina перестрашена взяла дрожачою рукою фотографію и рожу и звернулася до дверей, котрѣ въ той хвили отворилися и вѣйша смѣючись панѣ Сааръ.

„Возьми тое!“ сказала Фридolina тяжкимъ, зломанымъ голосомъ.

— Що тебѣ? — запытала панѣ Сааръ переляканы видомъ Фридолины, — Ты смертельно блѣда! чи може мой жартъ.... тебѣ не добре.

„Возьми тое!“ повторила Фридolina, и безсильна упала на крѣло. Задзвонила на служащу и казала принести свѣжои воды.

„Не повиннасъ была менѣ такои прикрости робити!“ сказала Фридolina.

— Мой Боже! отповѣла панѣ Сааръ: — чијь могламъ знати, що терпите до себе таку антипатію, чи якъ тое маю назвати? Нечувана рѣчъ. Здавалося що подобаетеся собѣ. Видѣлисѧ отъ трехъ недѣль майже що дня, уважалисѧ на себе, и якъ здавалося, выминаючися, шукалисѧ себѣ. Вчера еще..

„Обѣцялась менѣ бѣльше со мною о Гогенгаймѣ не говорити.“

Вся веселость зникла зъ лица панѣ Сааръ. Неспокойно и молчки ходила по комнатѣ; милосердно споглядала на Фридolini; хотѣла щось до неи говорити — отвернулася, задзвонила на служащу и казала запрягчи конѣ, бо хоче выѣхати заразъ до совѣтниковои Кульмъ.

Фридolina чуючи той розказъ, неохочо покидала головою Еи пѣдозрѣнѣе тымъ бѣльше укрѣпилось, що вѣж якѣбы змовилися одружити ю съ Гогенгаймомъ. Що передъ тымъ въ обходженю ся панѣ Сааръ и совѣтниковои Кульмъ было для неи загадкою, теперъ выяснилося. Знала уже теперъ, для чого то все, нѣбы припадково, старано ся ихъ обое до себе зближити. Еи дѣвоча честь обурилася. Ледви могла довше скрывати свою неохоту и жаль. Въ рясныхъ слезахъ шукало еи бѣдне сердце потѣхи и полекшенья.

Панѣ Сааръ все еще прохожувалася замыслена. Чверть години уже были разомъ, не говорячи нѣ-

чого. Туркотъ заѣздающаго повоза перервалъ тишину. Панѣ Сааръ зблизилася до Фридолины и взяла ю за руку.

„Ты плачешь, моя мила,“ сказала она, „жалъ менѣ, щомъ мимо волї тебе засмутила. Але познѣше познаси, якъ добрѣ для тебе я гадала.“

— Я дуже вдячна за твое добрѣ намѣренье, отповѣла Фридolina, и весь жаль еи и неохота уступили.

Панѣ Сааръ здавалася быти дуже тронутую. Еи очи зайшли слезою. Чувствительный настрой Фридолины осмѣлилъ ю еще разъ порушити той такъ ей немилый предметъ.

„Заклинаю тя, моя мила,“ сказала она пбднесеннымъ голосомъ, „заклинаю тя на нашу приязнь, будь отвертою для мене. Есть то вже твое неотмѣнне постановленье? ніякъ не можешь любити Гогенгайма?“

— Не могу! — плачучо отповѣла Фридolina.

Бѣдна ты! жалую тебе. Онъ былъбы чоловѣкомъ, котрый...

Фридolina перервала ей: — Анѣ слова бѣльше о немъ! Съ плачомъ кинула ся на софу.

(Прод. слѣд.)

Надѣслане.

Противъ рецензіи г. Х., помѣщеної въ г. 9 „Друга“ полугили мы слѣдуюю оборону г. Верхратекого. Подаемъ ю безъ эмбъни, — дивуемся однакъ, ѹо г. В. добавуе злобу и напастъ въ рецензіи, въ котрой прецѣвъ, якъ самъ г. В. каже, нема ижако критики, а тѣлько порбнанье съ Крыловымъ, Гетемъ и Глѣбовымъ. Г. рецензентъ твердитъ тѣлько, ѹо въ байкахъ г. В. нема поэтичныхъ образовъ, живости, — и мы (литературна газета) помѣстили рецензію, не добавууши въ ней нишго злобного, напастного. — Ред.

Въ ч. 9. „Друга“ помѣщена допись тыкаюча моего но-вѣшаго выданья „Байки“. Розбуджованье критичнаго змысла межи читаюю публикою повинно бути все одною изъ головныхъ задачъ письма литературнаго. Однакожъ цѣли той достигае критика совѣстна и вѣрна — а не напастъ. Тонъ, въ якому говорить дописуватель — менѣ вирочемъ добре знакомый, скрывшій властиве свое имя пѣдь буквою Х. — дае заразъ на вступѣ познати, о злобѣ и завистнѣй злости, якою дыше къ моїй личности. Въ дописи его повно слобъ и безладныхъ реченій — однакожъ анѣ однє здоровои гадки, анѣ одного погляду. И такъ заразъ зъ почину съ маньерио пустотливаго школьнаго говоритъ „файнаго папѣръ“. Одтакъ всувае выпущену зецеромъ (складачемъ) кому и исправляе „Автора“ очевидну пошибку зецера быстроумно на „автора“ Тѣ поправки ему вдалися. Хоть даромъ онъ тутъ напруживъ свое быстроуміе, бо разъ въ иныхъ выданяхъ моихъ мѣгъ бы переконатись, ѹо „авторъ“ писане скрбъ малымъ а, а вдруге переглядаючи и мои выданья и другій выданы русскій, польскій, англійскій, нѣмецкій.... мѣгъ переконатись, ѹо не одна точка въ печатанью выпущена... Та годѣ оставмо ему велику заслугу списуванья выпущеныхъ зецеромъ комъ въ моѣмъ выданю. — Що до цѣны, котрою дописуватель такъ ужаснувъ ся, примѣчу, ѹо се звычайна цѣна рускихъ выданій и пр. въ Коломыѣ одѣ аркуша малого 10 центовъ. Въ „Байкахъ“ есть пять ариушовъ, до того папѣръ велиновый и друкъ хорошій. Далѣшій примѣтки дописувателя суть того рода, ѹо лише иѣма погорда для нихъ гордитъ ся а не одѣвѣть. Однакожъ, для такихъ, котрый не вглубляючись въ рѣчъ, могли-бъ обаламутити ся пашквидами и негѣдными

замѣчаньями рядающаго дописувателя, въ короткости одвѣчу. Дописуватель не критикуе, лишь выписуе мои байки а по-бѣчъ умѣщае плоды Гетого, Крылова... и велитъ читателеви порбнити (sic!). Есть то звычайна маньера людей мѣлкихъ вѣдомостій и безъ выробленого критичнаго суда заставляеть блескомъ другихъ свѣтиль ними не понятыхъ, однакожъ величаныхъ тому, бо ихъ загалъ узнае... Що до порбнанія „Вовкъ и пастухи“ и „Вовкъ и вівчарі“ роводитись не стану тѣлько скажу, ѹо для бданья той самой правды, тои самой гадки Глѣбовъ потребовалъ 27 стиховъ у мене же есть лише 12 стиховъ. Кто розумѣе, ѹо значитъ короткость и звязкость въ байкахъ, для того примѣтка съя выстане. Дописувателю поясненій давати не буду — бо онъ вѣдай належить до того сорта критикоў, о которыхъкаже п. Щипавка въ „Стрижку“:

Задумавъ ся кришигино,
Гризде завзято нѣгатѣ,
Поэзії рецензуе —
А мѣрить ихъ на лѣкѣ.

Що до двохъ знаковъ пытанья поставленыхъ дописувателемъ безотказно въ однѣй байцѣ одвѣчати не буду, бо шкода терпти слобъ для того, кто не розумѣеabo въ злобѣ перекручуе, для того, котрому „любо робить ся, коли перечитае живый кусникъ.“ Для такого знателя поэтики и языка найлюбѣшее вѣдай „робить ся“ коли критично зубами оброблюе печеный кусникъ.

Огидна и поверховна допись дописувателя не пояснюе нѣчого, не выказуе нѣчого, окрѣмъ мѣлкости и злобы дописувателя. Есть то на вманѣ подутый тычокъ, тому и годѣ вести серіозну полемику съ марою, съ туманомъ...

Однакожъ, ѹо згадати мушу про байку „Осель и когутъ о соловѣю“ и россійску „Осель и соловей.“ Крыловъ заставляе въ своїй гарнѣй байцѣ соловѣя пописоватись передъ осломъ, за ѹо осель соловѣя одаряе безтолковымъ осудомъ. Я же навѣвъ въ байцѣ лишь осла и зарозумѣлого когута, котрый споломъ — мовь нашїй ляскуны литературнїй — критикууютъ спѣвъ соловѣя. Чому я такъ зробивъ? Отъ тому, бо давати не хотѣть соловѣеви власновѣльно продуковатьсь передъ осломъ.

Чи мой творы въ литературѣ надобній (Дописуватель каже „краснѣй“ т. е. червонѣй, розкашенѣй, пестрѣй; до такои „краснои“ литературы належать лишь панегирики и „критики“ пана подписановшаго ся буквою Х. — и тымъ подобнє фантъ: мои творы до тои „краснои“ литературы не належать!) маютъ стойнѣсть, чи нѣ — те рѣшить здорова критика а не ряданье, а вѣс замѣты пустословнїй дописувателя пускаю мимо. Назови рожу десять разъ лопухомъ, она все остане рожою и на вѣдворотъ. Що до ярои злости и злобы, якою декотрѣ изъ доморослыхъ нашихъ критикоў мою працю омѣтуютъ, маю тяку зброю: погороду недовареныхъ осудовъ и вытревалостъ працѣ въ напрямѣ разъ повзятомъ. Лѣтъ тому дванадцѧть выступивъ я вперве на видно литературне въ популярныхъ статяхъ научовыхъ. Бувало зъ самого почину докориано менѣ за нововведеній слова, (хочь и народнѣй) а предсѣнѣ саме тіи слова за коблька лѣтъ вийшли въ языкъ литературнїй — и ѹо до слобъ маю теперь спокой навѣть одѣ завзятыхъ моихъ противниковъ „давнаго времене.“ Тожь и теперъ выступаючи на нивѣ литературы надобній и ступаючи новою дорогою, я напередъ причувавъ, ѹо стрѣчу скаженій одпоръ у тыхъ фуфаковъ, котрѣй радѣ все удержати въ самодержавнїй заковязлости. Звѣно теже:

Гадѣ злобіво зашийтъ,
Коли єго въ дуплѣ рухнѣшъ —
Злоба людская такъ кипитъ,
Якъ зъ невѣ въ грязюцѣ не ідѣшъ!

Іванъ Верхратекій.

Новинки.

— Поминальне богослуженье за бл. п. Григорія Яхимовича отправилось, заходомъ нашего общества „Академ. Кружокъ“, дня 6. (18.) с. м. въ Успенской церкви при численнѣмъ участію вѣрныхъ. Священнодѣйствовали Впр. оо. Шведицкій, Петрушевичъ и Павликовъ; діаконствовали Вч. оо. Райтеровскій и Мудрикъ. Проповѣдь хорошу и патріотичну выголосилъ Веч. о. Василій Лопатинскій, который помимо поганой погоды нещадиль труда приїхати зъ Роздоля на сумное тое торжество. Со звѣклымъ великолѣпіемъ отбулось цѣле богослуженье и паастасъ, причемъ преходоршій хоральныи спѣвъ русскихъ питомцѣвъ подъ управленьемъ г. Матюка въ значнѣй мѣрѣ причинился до поднесенія торжественности. На серединѣ церкви стоялъ тетраподъ съ коливомъ, хлѣбами и пр., приокрашенъ въ цвѣты и архіерейскіи знамена; надъ тетраподомъ же красовался портретъ Покойника, котрого память „да идетъ отъ рода въ родъ“.

— Маѣвка, котру наше Общество намѣряло устроити на Высокомъ замку въ минувшу Суботу, не отбулася по причинѣ неспріяющей погоды, слоты и снѣговицѣ. Уже отъ колькохъ лѣтъ такіи гидкій Май, що дальше начнутъ люди всѣ подобній забавы, що до теперіи носили имя Маѣвокъ, называть „Червѣвками“ — бо, звыkle, только ажъ въ Червціи буває лучша погода и тепло. Отже мы отложили нашу маѣвку на іюнь, подобно якъ то зробили и другіи товариства, именно предвчера польське акад. товар. „Czytelnia dla słu-
chaczów prawa.“

— Львівскіи русскіи питомцї устроили у себе въ съменищи, въ отвѣтно прибраной еали музея, дня 3 (15) мая въ память данои свободы, **декламаторско-музыкальный вечеръ**, при досыть численнѣмъ участію гостей „зъ свѣта“. Присутствовали именно оо. Малиновскій, Сѣнгалевичъ, Дръ Огоновскій, Ильницкій, Гушалевичъ, г. Дръ Шараневичъ и др. особенно академіки. Програма була досыть обширна, обѣймала именно: 1. Щасть намъ Боже, хоръ мѣшаный въ со-
провіодѣ орхестры. 2. Рѣчь вступну г. А. Тымуса. 3. Імнъ народный, хоръ мѣшаный. 4. Короткій поглядъ на судьбу галицко-русскаго народа по паденію Польши, отчить Василія Давыдяка. 5. „Кто за нами, Богъ за нимъ“ (муз. М. Вербицкого), мужескій хоръ. 6. „Всѣхдѣ сонця“, стихъ И. Франка, выголосилъ г. И. Галущинскій. 7. Хоръ косарбѣвъ (изъ Підгориць), на мужескіи голосы. 8. „Галичъ“, стихъ К. Устыяновича, выголосилъ Е. Дольницкій. 9. „Завѣщеніе Шевченка“ (муз. М. Вербицкого), отспѣвали два хоры въ со проводѣ орхестры. 10. „Миръ Русинамъ“, стихъ Гушалевича, муз. Вербицкого, отспѣвалъ мужескій хоръ. — Цѣлый вечерокъ выпалъ взагалѣ дуже добре, хоры були превосходній, — надъ все же дѣзналь признанья хорошій отчить г. Василія Давыдяка, совѣтный трудъ довшого часу. Дръ Огоновскій малъ опѣся приватно тыми словами промовити до г. Д.: „грѣхомъ бы було, еслибысьте на тѣмъ поли дальше не дѣлали“. — На всякъ случай сподѣемся, що трудъ г. Давыдяка неба-
вомъ, если не у насъ, то може яко піданіе общества им. Качковскаго, появится въ печати.

— Другій вечеръ и то **вокально-музыкальный** отбулся дня 11 (23) мая на дохѣдѣ убогихъ учениковъ русской т. з. академичнои гімназіи въ сали ратушевой. Програму, котру мы въ попереднѣмъ числѣ замѣтили, заховано точно и вы-
конано досыть удачно къ удовольствію численно собравшихся Русиновъ. Особенно подобался дуетъ „Чи то звѣзды“ такъ що его на громкѣ рукоплесканье публики отспѣвано

Содержанье: На-Потемки, очерки и образки изъ современнои жизни прод.; Денись, повѣсть М. Вагилевица, прод., Петрѣи и Добошкуки, повѣсть Джеджалика, часть II., прод.; Отравленный дьяконъ, Г. Иванова, прод.; Листы зъ Исландіи прод.; Надблане (о Байкахъ г. Верхратскаго); Новинки.

Властитель и издатель „Академическій Кружокъ.“ За редакцію отвѣчае Алексей О. Зафіовскій.

Изъ типографіи Института Ставропигійского во Львовѣ 1876.

по разъ другій. Характеристично то, що Поляковъ въ цѣлой сали було дуже мало, — бо якъ за звѣчай Поляковъ тамт вже нема, где иде дати якійсь крайцаря на щонибудь русске, хотябы навѣть на зъ голоду-гинучихъ школарбѣвъ. О сколько цѣль вечера осагнена, т. е. якъ великий есть чистый приходъ, на теперѣ еще не знаемъ. Скажемъ только то, що похвальна та гадка, помагати крайне бѣдной молодежи на русской гімназіи. повстало межи профессорами тоиже гімназіи и выконується ними усердно.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

По причинѣ недостатка часу, особенно же по причинѣ, що мушу Львовѣ (задля войсковои службы) на долшій часѣ опустити, приневоленъ я сб симъ чломъ отстутити зъ Редакції „Друга“, передаючи ю, въ мысль рѣшенія послѣднѣго Собранія членовъ нашего Общества, тов. Николаю А. Дольницкому. При ново спорганизованомъ редакційномъ комитетѣ и свѣжихъ силахъ, сподѣватись, що „Другъ“ только къ лучшому постутити.

Заразомъ упрашаю, всяки письма, переказы и рекламиаціи, относячія до редакціи або администрації „Друга“, пѣдъ моимъ именемъ бѣльше не высылати, понеже потомъ могутъ зайти замѣшательства сб почтою, котра письмо только адресату може доручити.

Алексей Зафіовскій.

ОТОЗВА.

Выдѣль „Академического Кружка“, взывае въ мысль арт. 15 статутовъ, слѣдуючихъ господиновъ, до сплаты довгу вразъ съ бтсоками належачими після статутовъ, котрый затянули зъ касы общества:

	Зъ року 1871 ²	до сплаты	1 зр. 64 кр.
Назара Михаила, техника	" "	7 "	— "
Нановскаго Ивана, техника	" "	3 "	48 "
Кубіювича Ивана, проф. гімн.	" "	7 "	50 "

	Зъ року 1872 ^{3/4}	до сплаты	13 зр. 65 кр.
Фальбійчука Василя, правника	" "	7 "	— "
Стеблецкаго Ерофея, правника	" "	8 "	68 "
Полянскаго Максима, правника	" "	9 "	90 "
Кордасевича Емilia, укбнч. фил.	" "	7 "	25 "
Гулку Ильярія, правника	" "	14 "	10 "
Вронка Василя, техника	" "	14 "	10 "
Сальвицкого Александра	" "	14 "	— "

	Зъ року 1873 ^{3/4}	до сплаты	6 зр. 20 кр.
Климка Андрея	" "	6 "	90 "
Грицака Симеона, техника	" "	6 "	50 "
Криницкого Володимира, правника	" "	12 "	— "
Топольницкого Клима	" "	23 "	— "
Гумецкого Ивана, фільософа	" "	6 "	65 "
Яцишина Стѣфана, техника	" "	13 "	10 "
Левицкого Осипа, техника	" "	13 "	— "
Яримовича Ивана, богослова	" "	10 "	34 "
Даниловича Михаила, правника	" "	7 "	76 "
Дзеровича Виктора, правника	" "	7 "	18 "
Погорецкого Ивана	" "	12 "	30 "
Барановскаго Симеона	" "	7 "	30 "
Кульчицкого Петра, укбнч. фил.	" "	3 "	6 "
Турчинскаго Теодора	" "	6 "	30 "
Филиповскаго Апол. богослова	" "	12 "	— "
Глинскаго Ивана, техника	" "	—	— "

Речинецъ до сплаты есть до 15 іюня с. г.; съ незаплатившимъ въ тѣмъ предписанѣмъ речинци, удастся Выдѣль „Акад. Кружка“ на дорогу судову.

Львовъ дні 19 мая 1876.

Оть Выдѣла „Академическаго Кружка.“

Опечатки. Насъ просять исправити слѣдуючіи друкарскіи похибки, зайшовши въ ч. 9 „Друга“: на ст. 143, въ стиху 28 зъ долу мае стояти „съя поэзія (переважно) дѣйствительности“, а въ стиху 5 зъ долу мѣсто „часъ“ мае бѣти „насъ.“